

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2024-4-14>
УДК 343.212

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ПОДОТРАСЛИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Усенко А.С.

Кубанский государственный университет

Аннотация. В статье раскрываются общие подходы к анализу функционального назначения подотраслей уголовного права. Ставится цель обосновать, что признание принципиальной возможности вычленения подотраслей права на основе специфических характеристик правового режима требует исследования основных признаков подотрасли уголовного права. Для этого наиболее конструктивным представляется структурно-функциональный подход к анализу феномена подотрасли, позволяющий последовательно рассмотреть ее функциональное предназначение и обусловленное им ее структурное наполнение и внешнее оформление. Делается вывод, что, будучи элементом структуры отрасли права, подотрасль в своем строении не может принципиально отличаться от строения отрасли и права вообще. Элементом строения подотрасли уголовного права должен быть исключительно нормативный материал. В качестве такового выступают, во-первых, нормативные принципы права и, во-вторых, нормативные правовые предписания.

Ключевые слова: подотрасль права, правовой режим, функциональный подход, механизмы правового регулирования, общественные отношения, уголовно-правовая ответственность, объект правового режима, нормативные предписания.

CRIMINAL LAW REGIME AND FUNCTIONAL PURPOSE OF THE SUB-BRANCH OF CRIMINAL LAW

Alexander S. Usenko

Kuban State University

Abstract. The article reveals general approaches to the analysis of the functional purpose of sub-branches of criminal law. The goal is to substantiate that the recognition of the fundamental possibility of isolating sub-branches of law on the basis of specific characteristics of the legal regime requires studying the main features of a sub-branch of criminal law. For this purpose, the most constructive seems to be the structural-functional approach to the analysis of the phenomenon of a sub-branch, which allows us to consistently consider its functional purpose and the structural content and external design conditioned by it. It is concluded that, being an element of the structure of a branch of law, a sub-branch in its structure cannot fundamentally differ from the structure of the branch and law in general. The element of the structure of a sub-branch of criminal law should be exclusively normative material. Such material is, firstly, normative principles of law and, secondly, normative legal regulations.

Keywords: sub-branch of law, legal regime, functional approach, mechanisms of legal regulation, public relations, criminal liability, object of the legal regime, regulatory requirements.

Введение.

Наметившийся в последние годы интерес к изучению структурных элементов отрасли права, как правило, ограничивается уровнем правовых предписаний и институтов. Сегодня институциональная организация нормативного материала не вызывает сомнений и является de facto общепринятым базисом суждений о структуре права. В то же время, ведущаяся в отечественной юридической доктрине с момента выхода работ О.С. Иоффе [1] и С.С. Алексеева [2] дискуссия, практически не затрагивает факультативные элементы структуры, такие как субинститут и подотрасль. Особенно лаконично это направление исследований представлено в уголовно-правовых науках. Отчасти, это обусловлено и менее развитым корпусом нормативно-правовых актов, нежели в цивилистике, и большим консерватизмом и инерцией уголовно-правовой материи.

Вместе с тем, исследование подотраслей уголовного права способно не только придать новый толчок развитию теории, но и предложить вполне конкретные направления совершенствования практики.

Обсуждение.

Одним из неперенных средств надлежащего и эффективного уголовно-правового регулирования выступает обеспечение дифференцированного подхода к разрешению уголовно-правовых ситуаций. Достижение целей дифференциации уголовной ответственности и наказания обусловлено реализацией задач уголовного права, в том числе исправления осужденного, предупреждения новых преступлений и тем самым - защитой личности, общества и государства от преступных посягательств [3].

Законодатель, в свою очередь, обязан соблюсти баланс при защите прав граждан от преступных посягательств средствами уголовного закона, одновременно избегая избыточного ограничения этих прав и свобод при применении мер уголовно-правового принуждения за счет дифференциации ответственности.

Подобная дифференциация правового регулирования предполагает создание в праве особых правовых режимов. Понятие «правовой режим» активно используется в теории права и в отраслевых юридических науках. Однако, по справедливой оценке специалистов, однозначного понимания этой категории в доктрине не сложилось [4].

При всем полисемизме понятия «правовой режим» — это многообразие можно свести к предложенному еще С.С. Алексеевым определению как «порядка регулирования, выраженного в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования» [5]. Из данного определения вытекает, что режим — это порядок правового регулирования, закрепленный в нормативных предписаниях, но не сами эти предписания. Нормативные предписания или их объединения выступают лишь единственно возможной формой выражения создаваемого государством режима, но сами по себе не образуют режима как такового.

Кроме того, под порядком правового регулирования можно понимать упорядочение статусов и взаимоотношений субъектов правоотношения. В связи с этим, стоит обратить внимание на имеющийся в отечественной доктрине подход, связывающий правовые режимы с определенными объектами, а не с лицами [6].

Исходя из этих посылок, можно утверждать, что в рамках отрасли уголовного права посредством некоторых нормативных предписаний и их групп законодатель может создавать особый порядок регулирования уголовно-правовых отношений, конструируя специфический набор прав и обязанностей, привилегий и ограничений для участников этих отношений (причем, как для лиц, совершивших преступление, так и для самого государства).

Таким образом, режим в уголовном праве — это, прежде всего, режим особого правового регулирования.

Сама отрасль уголовного права создает режим охраны определенных объектов. При этом она, сама по себе, не может быть дифференцирована в зависимости от вида охраняемого объекта, поскольку охрана порядка управления принципиально ничем не отличается от охраны жизни. Вместе с тем, уголовно-правовая охрана может различным образом «подключаться» к общему комплексу правовых средств охраны этих объектов. Именно с этих позиций можно правильно понять утверждение Н.В. Пяткина о том, что «совокупность юридических норм, составляющих правовой режим, не относится к какой-либо одной отрасли права и состоит из институтов, относящихся к различным отраслям права» [7].

Правовой режим охраны носит комплексный характер, его частью может выступать охрана уголовно-правовая. В таком контексте, понятие «режим уголовно-правовой охраны» имеет право на существование и может выступать основанием выделения подотраслей уголовного права.

В связи с наличием в науке суждений о возможной градации подотраслей на внутриотраслевые и комплексные, некоторые исследователи утверждают, что по аналогии с комплексным межотраслевым институтом комплексной подотраслью можно считать подотрасль права, которая состоит из системы взаимосвязанных институтов права, нормы которых входят в состав нескольких самостоятельных отраслей права [8; 9; 10]. Представляется, что в данном случае

происходит смешение допустимого понятия «комплексный правовой режим» с недопустимым понятием «комплексная подотрасль права».

Правовой режим регулирования или охраны каких-либо отношений, как было отмечено, действительно может быть комплексным, основанным на подключении потенциала различных отраслей права (собственность, например, охраняется нормами и уголовного, и административного, и гражданского права). Но комплекс соответствующих нормативных предписаний и институтов не создает в данном случае комплексной подотрасли права хотя бы потому, что содержательно выходит за пределы одной отрасли права.

Однако чаще подотрасль уголовного права связывают с ответственностью в особой сфере охраняемых законом отношений. В связи с этим, к примеру, А.И. Рарог выделяет в структуре уголовного права подотрасль медицинского права и его составную часть фармацевтическое уголовное право, а также признает допустимым рассуждения о таких подотраслях, как экологическое или антинаркотическое уголовное право [11]. Однако, учитывая изложенные выше рассуждения о понятии правового режима, надо признать, что уголовный закон не создает специального режима собственно уголовно-правовой охраны отдельных объектов. А поэтому «увязка» подотрасли лишь с группой норм, охраняющих те или иные объекты, не вполне обоснована.

Если режим связан с регулированием, то возникает большой соблазн отождествления режима правового регулирования с механизмом уголовно-правового регулирования. Однако правовой режим реализуется через механизм правового регулирования, который представляет собой общий порядок, процесс действия права. Вместе с тем, правовой режим есть «специфический механизм правового регулирования, его особый порядок, направленный на конкретные виды субъектов и объектов, «привязанный» не столько к отдельным ситуациям, сколько к более широким, общезначимым социальным процессам (состояниям), в рамках которых эти субъекты и объекты взаимодействуют» [12].

Такое уточнение, с одной стороны, предостерегает от использования общего понятия «режим уголовно-правового регулирования» без привязки его к тем или иным субъектам, поскольку в этом общем значении оно теряет свой самостоятельный смысл и отождествляется с понятием «механизм уголовно-правового регулирования». С другой стороны, оно указывает на недопустимость признания любых особенностей уголовно-правового регулирования той или иной конкретной ситуации проявлением какого-либо отдельного режима уголовно-правового регулирования. К примеру, в уголовном законе существует ряд норм, которые направлены на учет специфического положения женщин при назначении, исполнении уголовного наказания, освобождении их от уголовного наказания. Однако вряд ли есть основания полагать, что в уголовном праве функционирует некий особый правовой режим уголовной ответственности женщин. То же самое можно сказать и в отношении особенностей правовой регламентации ответственности некоторых должностных лиц, иностранных граждан.

Будучи воплощением конституционных требований дифференциации уголовной ответственности, соответствующие нормы и предписания не привязаны к «широким, общезначимым социальным процессам», а потому не создают оснований ни для постановки вопроса об отдельном уголовно-правовом режиме, ни соответственно, для обсуждения возможности обособления «женского», «иностранного» и т.д. уголовного права в качестве подотраслей.

Результаты.

Таким образом, можно обозначить ряд принципиальных позиций, значимых для понимания сути функционального предназначения подотрасли уголовного права.

Конституционно значимой целью и средством обеспечения эффективности уголовно-правового регулирования выступает дифференциация уголовной ответственности.

Во-первых, потребность в дифференциации уголовно-правового регулирования может быть надлежащим образом удовлетворена за счет создания отдельных правовых режимов в пределах отрасли уголовного права.

Во-вторых, правовой режим обеспечивает специальное воздействие на некоторую группу уголовно-правовых отношений за счет возложения на их участников особых прав и обязанностей, льгот и ограничений.

В-третьих, установление уголовно-правовых режимов для отдельных категорий лиц предопределено необходимостью подключить уголовно-правовые средства к решению насущных социальных задач, содержательно выходящих за пределы отраслевого уголовно-правового регулирования, формулируемых государством в качестве приоритетных, стратегических в масштабах общественного развития в целом.

Заключение.

Таким образом, уголовно-правовые режимы выступают социально-правовой основой и целью формирования подотраслей в уголовном праве. При этом именно связь правового режима с конкретно воспринимаемыми широкими целями социального управления позволяет, с одной стороны, отличать подотрасль от любых иных дифференцирующих предписаний, а с другой стороны, надежно институционализировать подотрасль в структуре общего массива отраслевых нормативных предписаний.

Функциональное же назначение подотрасли уголовного права состоит в установлении специального правового режима, который обеспечивает дифференцированное воздействие на некоторую группу уголовно-правовых отношений, обладающих специфическим содержанием.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Иоффе О.С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Иоффе О.С. Избранные труды. Т. 4. СПб., 2009. С. 99.
2. Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С. 23.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.03.2023 № 8-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Г.А. Алексеева» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 13. Ст. 2361.
4. Барзилова И.С. Понятие и юридическая природа правовых режимов // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3. С. 11.
5. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989 // Алексеев С.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 2: Специальные вопросы правоведения. М., 2010. С. 381.
6. Братановский С.Н. Понятие и виды правовых режимов в российском законодательстве и правовой науке // Гражданин и право. 2012. № 11. С. 19.
7. Пяткин В.Н. Природа и понятие правовых режимов. Соотношение правового режима и механизма правового регулирования // IV Державинские чтения в Республике Мордовия. Материалы региональной науч.-практ. конф. (г. Саранск, 29–30 апреля 2008 г.). Саранск, 2008. С. 75.
8. Головина А.А. Критерии образования отраслей в системе российского права. М., 2024.
9. Матюнин М.Ф. Формирование комплексных образований в системе российского законодательства как фактор межотраслевой кодификации // Актуальные проблемы экономики и права». 2011. № 3. С. 197–201.
10. Ашмарина Е.М. Учетное право как комплексная подотрасль финансового права // Вопросы экономики и права. 2012. № 8. С. 151–159.
11. Рарог А.И. Новая подотрасль (?) уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы XV междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25–26 января 2018 г.). М., 2018. С. 565–570.
12. Матузов Н.И., Малько А.В. Правовые режимы: Вопросы теории и практики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1996. № 1 (212). С. 20.

References:

1. Ioffe O.S. *Structural subdivisions of the legal system (based on civil law materials)* // Ioffe O.S. *Selected works*. Vol. 4. SPb., 2009. P. 99.
2. Alekseev S.S. *Structure of Soviet law*. Moscow, 1975. P. 23.
3. *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15.03.2023 No. 8-P "On the case of verifying the constitutionality of part three of Article 72 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen G.A. Alekseev"* // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2023. No. 13. Art. 2361.
4. Barzilova I.S. *Concept and legal nature of legal regimes* // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017. No. 3. P. 11.
5. Alekseev S.S. *General permissions and general prohibitions in Soviet law*. Moscow, 1989 // Alekseev S.S. *Collected works in 10 volumes*. Vol. 2: *Special issues of jurisprudence*. Moscow, 2010. P. 381.
6. Bratanovsky S.N. *Concept and types of legal regimes in Russian legislation and legal science* // *Citizen and Law*. 2012. No. 11. P. 19.
7. Pyatkin V.N. *Nature and concept of legal regimes. The relationship between the legal regime and the mechanism of legal regulation* // *IV Derzhavin Readings in the Republic of Mordovia. Materials of the regional scientific and practical. conf. (Saransk, April 29-30, 2008)*. Saransk, 2008. P. 75.
8. Golovina A.A. *Criteria for the formation of branches in the system of Russian law*. Moscow, 2024.
9. Matyunin M.F. *Formation of complex entities in the system of Russian legislation as a factor in inter-branch codification* // *Actual problems of economics and law*. 2011. No. 3. P. 197–201.
10. Ashmarina E.M. *Accounting law as a complex sub-branch of financial law* // *Issues of economics and law*. 2012. No. 8. P. 151–159.
11. Rarog A.I. *New sub-branch (?) of criminal law* // *Criminal law: development strategy in the 21st century. Proceedings of the XV int. scientific and practical. conf. (Moscow, January 25–26, 2018)*. M., 2018. P. 565–570.
12. Matuzov N.I., Malko A.V. *Legal regimes: Theoretical and practical issues* // *News of higher educational institutions. Jurisprudence*. 1996. No. 1 (212). P. 20.

Информация об авторе:

Усенко Александр Сергеевич, аспирант кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета, Кубанский государственный университет, E-mail: t055tt123@mail.ru, ORCID: 0009-0003-3453-3315.

Alexander S. Usenko, postgraduate student of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law, Kuban State University.